

ОТ ПРАВА ВОЙНЫ И МИРА К ПРИНЦИПАМ НЮРНБЕРГА

**А.Н. Савенков. ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
И МИРОВОЙ ПОРЯДОК, ОСНОВАННЫЙ НА ВЕРХОВЕНСТВЕ ПРАВА:
в 3 т. М.: НАУКА, 2021.**

© 2022 г. В. Н. Руденко*, Л. Г. Фишман**

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург

*E-mail: rudenkovn@yandex.ru

**E-mail: lfishman@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.09.2022 г.

Аннотация. Монография А.Н. Савенкова «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права» посвящена исследованию правовых оснований современного мирового порядка. В трехтомном труде исследуются вопросы соотношения древнего права войны и мира и прав человека. Каким образом сформировался мировой порядок, который, несмотря на все перемены последних десятилетий, все еще основан на верховенстве права? До какой степени и по каким причинам этот порядок сейчас подвергается ревизии и разрушению, замещаясь традиционным соперничеством великих держав и произволом сильного?

Ключевые слова: мировой порядок, право цивилизации, права человека, право войны и мира, принципы Нюрнберга, А.Н. Савенков.

Цитирование: Руденко В.Н., Фишман Л.Г. От права войны и мира к принципам Нюрнберга А.Н. Савенков. Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: в 3 т. // Государство и право. 2022. № 11. С. 60–67.

DOI: 10.31857/S102694520022761-8

FROM THE LAW OF WAR AND PEACE TO THE PRINCIPLES OF NUREMBERG

**A.N. Savenkov. STATE AND LAW: HUMAN RIGHTS AND THE WORLD
ORDER BASED ON THE RULE OF LAW: in 3 vols. Moscow: NAUKA, 2021.**

© 2022 V. N. Rudenko*, L. G. Fishman**

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg

*E-mail: rudenkovn@yandex.ru

**E-mail: lfishman@yandex.ru

Received 20.09.2022

Abstract. A.N. Savenkov's monograph "State and Law: human rights and the world order based on the Rule of Law" is devoted to the study of the legal foundations of the modern world order. The three-volume work explores the relationship between the ancient law of war and peace and human rights. How did the world order come about, which, despite all the changes of recent decades, is still based on the Rule of Law? To what extent and for what reasons is this order now undergoing revision and destruction, being replaced by the traditional rivalry of the great powers and the arbitrariness of the strong?

Key words: world order, law of civilization, human rights, law of war and peace, Nuremberg principles, A.N. Savenkov.

For citation: Rudenko, V.N., Fishman, L.G. (2022). From the law of war and peace to the principles of Nuremberg A.N. Savenkov. State and Law: human rights and the world order based on the Rule of Law: in 3 vols. // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 60–67.

Сегодня, когда каждый день преподносит нам все новые события, так или иначе затрагивающие вопросы войны и мира, высокую степень актуальности приобретают исследования, посвященные правовым аспектам глобального мирового порядка. В каком соотношении находится древнее право войны и мира к правам человека? Как мы пришли к современному мировому порядку, который (хотелось бы верить) все еще основан на верховенстве права? В какой степени этот порядок сейчас основан на праве, а в какой – на произволе сильного? Ответу на эти и многие другие вопросы посвящено исследование члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ, директора Института государства и права Российской академии наук Александра Николаевича Савенкова.

Главной своей целью автор ставит «обоснование концептуально новой парадигмы осмысления и понимания теории становления государственно-правовых институтов и политико-правовой ментальности общества на отдельных этапах его эволюции с позиции анализа прав человека и ценности верховенства права, выступающих в широком историческом контексте как цивилизационный фундамент вопреки угрозам и вызовам миру и безопасности человечества» (т. I, с. 21). Он с самого начала

провозглашает, что путь к признанию верховенства прав человека есть путь от правовых установлений древних цивилизаций к порядку, основанному на результатах Нюрнбергского процесса. И самое принципиальное – выработка представлений о правах человека на протяжении человеческой истории была теснейшим образом связана с правовым урегулированием вопросов войны. Как пишет А.Н. Савенков, «самые главные права человека – права на жизнь и свободу – в исследуемый период всегда зависели от государства и войны в широком смысле этих понятий» (там же). Государство, война и права человека представляют для него «вечную и естественную триаду» (т. I, с. 32). Более того, сама суть права как принципа порядка, мира и свободы, согласно А.Н. Савенкову, имеет одним из своих важнейших источников *международное право*, которое есть право войны и мира. *Международное* гуманитарное право является древнейшим видом права (т. I, с. 101). В исследовании проводится мысль о том, что «военная политика государств в различные исторические периоды оказывала решающее влияние на формирование основ мирового порядка» (т. I, с. 76), и вместе с тем параллельно формировалось убеждение, что война – это величайшее бедствие, которое нуждается в правовом регулировании. Колоссальнейшим завоеванием человечества является мировой порядок, основанный на верховенстве права как цивилизационного фундамента современного мироустройства. Сквозь непрекращающиеся вызовы и угрозы миру и безопасности человечество проходит путь от права сильного к «праву цивилизации» (т. I, с. 72). Но этот путь не есть нечто само собой разумеющееся. Он также не является каким-то изобретением, которое, будучи один раз придумано, постоянно облегчает жизнь людям. Человечество выстрадало «право цивилизации», которое есть результат сложнейшего исторического процесса формирования государства и права.

Путь к «праву цивилизации», если проследить то, каким образом он описывается в рецензируемой монографии, пролегает от одной

самоочевидной для своего времени ценностной установки к другой. Первая из них, находящаяся в начале исторического пути цивилизованного человечества, признает войну чуть ли не источником социального бытия, его онтологической основой, «отцом всех вещей». Вне зависимости от того, являются ли войны между государствами «справедливыми» или «несправедливыми», война считается законным способом разрешения противоречий и достижения целей. Эта самоочевидность господствует на протяжении практически всей человеческой истории, несмотря на постоянные сетования по поводу ужасов войны. Даже авторы Версальского договора «не смогли преодолеть догму справедливой войны. <...> Предложенная ими идея волюнтаристского изменения политического ландшафта Европы и колоний заложила фундамент будущих межгосударственных конфликтов» (т. III, с. 467). Вторая самоочевидная для многих свидетелей и участников двух мировых войн установка, начавшаяся оформляться после Первой мировой войны, отрицает первую. С течением времени войну становится все трудней свести к собственно военной кампании, победа в ней все реже сводится к победе в одном или нескольких решающих сражениях, становится все менее возможно отделить армию от общества, но в то же время возникает все более настоятельная необходимость дифференцированно относиться к различным группам внутри лагеря противника. Все это и многое другое подготавливает почву для второй очевидности. Война, особенно агрессивная, не оборонительная война, признается однозначно негодным, морально и с правовой точки зрения неприемлемым способом разрешения противоречий и достижения целей. В связи с этим автор испытывает «возвышенное чувство гордости за цивилизацию, способную осуществить такой исторический проект, как запретить войну, поставить ее вне закона» (там же). Не трудно заметить, что, поскольку эта точка зрения противоречит как историческому опыту, так и многим из реалий нынешнего дня, она не разделяется многими как на практике, так и в теории. Выводы, сделанные поколением, пережившим Вторую мировую войну, не выглядят безупречными в глазах как многих действующих политиков, так и теоретиков-ревизионистов. В конце концов всегда есть основания считать, что существующий мировой порядок отражает предпосылки, заложенные в основу послевоенного статус-кво и сегодня уже не соответствующие изменившимся реалиям.

Следует особо подчеркнуть, что труд А. Н. Савенкова в очень значительной мере есть историческое исследование, и притом не в узком смысле, что оно посвящено некоторым аспектам истории права, а в широком — история права в нем помещается в то, что называется историческим

контекстом. Это обусловлено установкой автора, согласно которой «именно в понимании того, какие процессы в истории приводили к необходимости поиска человечеством формулы мира и порядка, кроется узловая проблема адекватного понимания ценностного содержания современного миропорядка» (т. I, с. 79). Уже т. I свидетельствует о разносторонней эрудиции автора; указанные выше тезисы аргументируются многочисленными и обширными отсылками к истории государства и права: от античности до наших дней.

Том II по большей части состоит из таких отсылок, из изложения исторических обстоятельств (преимущественно связанных с различными войнами и заключенными по их результатам международными договорами). В нем особенное значение уделяется России, той роли, какую она играла на протяжении истории в становлении международного права со времен Киевской Руси вплоть до Первой мировой войны. Особенно важным представляется период, когда Россия играла одну из главных, определяющих ролей в концерте мировых держав, сложившемся в ходе наполеоновских войн. Россия описывается как страна, которая уже была один раз инициатором и организатором нового мирового порядка — венского. «Царь Александр I... прибыл в Вену в 1814 г. с планом нового мирового порядка, во многом более радикального, чем план Наполеона в своей универсальности: священный союз князей и царей превращал национальные интересы в общий поиск мира и справедливости». Подчеркивается, что этот порядок «в своей основе был подготовлен и завоеван Россией» (с. 466). Высокую оценку получают мирные гуманистические инициативы России конца XIX — начала XX в., воплощенные в Женевской и Гагской конвенциях (с. 499—504). Автор однозначно становится на позицию России во всех спорных вопросах. Европа коварна и своекорыстна, Россия же верна в исполнении своих международных обязательств; Россия добросовестно и ответственно исполняет свой долг перед союзниками, тогда как европейцы склонны следовать своим национальным интересам и неизменно делают выбор в их пользу, даже если это влечет за собою предательство союзника. Словом, «исторической традицией подавляющего большинства ведущих европейских держав были и остаются коварство, месть и национальный эгоизм» (с. 8).

Со страниц т. II встает образ России, которая «прошла свой путь... без зверств и колонизации народов, без единого случая работорговли, а напротив, создавая условия для развития этносов» (с. 357), в то время как, к примеру, Англия, не раскаялась в работорговле, но «взяла на себя лидерство в борьбе за права человека в современном мире» (с. 358). Подобного рода оценки имеют под собой основания, однако трудно удержаться от

замечаний. Хочется, например, смиренно заметить, что «ответственность» и «добросовестность», которые проявляются в выполнении союзнических обязательств, несмотря ни на какие жертвы, как это неоднократно бывало, к примеру, в Первую мировую войну¹, заслуживают какого-то другого названия. Россия может, конечно, гордиться тем, что она не замешана в торговле чужеземцами. Но при этом не стоит забывать, что пока англичане торговали неграми, а порой и своими белыми соседями (ирландцами), русские помещики продавали друг другу своих соотечественников. Когда потомки работорговцев учат нас правам человека — это может вызвать усмешку. Но это может быть лишь усмешка человека, который, имея солидные прегрешения в прошлом и осознавая это, не считает себя вправе высокомерно осуждать таких же грешников и отрицает такое право за другими. Объективность все же подразумевает сравнение России и Англии одной исторической эпохи, а не разных.

Как это нередко бывает, недостатки исследования вытекают из достоинств. И это особенно проявляется именно в т. II монографии. Спору нет, рассказ о становлении мирового порядка, основанного на господстве принципа соблюдения прав человека, выглядел бы гораздо суше, не будучи обильно приправлен повествованиями о столкновениях держав, войнах, полководцах, политиках и т.д. Однако, если случайный читатель, не поглядевший на обложку, раскроет т. II посередине, да и не только, прочитав несколько, а то и не один десяток страниц, он рискует впасть в заблуждение, полагая, что держит в руках труд скорее по военной истории или истории международных отношений, а вовсе не истории государства и права. Действительно, может показаться, что обширный материал, привлеченный автором, порой побеждает его. Требуется усилие, чтобы различить голос автора среди обширнейших цитат и изложений исторических событий. Его порой увлекают детали, которые, с точки зрения читателя, ожидающего увидеть все-таки труд, посвященный преимущественно правовой проблематике, кажутся избыточными. Тем не менее всем этим впечатлениям не стоит доверять. Читатель, особенно если он больше знаком с юридической повесткой, чем, собственно, с историей рассматриваемого А.Н. Савенковым периода, может благодаря такой детализации составить более целостное представление об интересующей его проблематике, нежели то, которое он имел раньше.

А.Н. Савенков неоднократно указывает на то, что между мировыми войнами была проделана

¹ Чего стоят, например, закончившееся провалом наступление русских войск в Восточной Пруссии в 1914 г. (ради спасения Парижа) или неторопливость союзников в вопросе помощи России боеприпасами в 1915 г.

большая работа по выработке положений международного права, призванного прекратить войны и не допустить военных преступлений. Прежде всего были провозглашены принципы, согласно которым война сама по себе является преступлением, а ответственны за нее не только государства, но и конкретные лица, принимавшие и осуществлявшие решения. В дальнейшем те, кто участвовал в подготовке Международного трибунала, во многом отталкивались от правовых актов, международных договоров, принятых в промежутках между мировыми войнами и ратифицированных в том числе Германией. Тем не менее в силу взаимного недоверия сторон и национального эгоизма ни одно из этих перспективных направлений реформирования принципов международного права, касающихся войны и мира, не было доведено до конца (т. III, с. 181–186).

Поэтому центральной в становлении послевоенного мирового порядка является роль Нюрнбергского судебного приговора, который «стал универсальным законом для всей планеты, благодаря которому на ней сохраняется жизнь» (т. III, с. 467). Историческим водоразделом является Вторая мировая война, поскольку в «этой войне, впервые в истории, Антигитлеровская коалиция показала пример, когда политика и право были неразрывно вместе: политические решения принимали форму договоров, последние выполнялись всеми сторонами, отсутствовали сепаратные договоры и действия, сформировалось высокое чувство ответственности за взятые на страну обязательства» (т. III, с. 161). Этот период оценивается как время «небывалого и беспрецедентного уважения к праву» (там же), чем и были обусловлены выдающиеся итоги Международного военного трибунала в Нюрнберге и других послевоенных процессов. Прежде всего был утвержден принцип, согласно которому отдельные лица «могут нести ответственность и подлежать наказанию в результате нарушения своих обязательств по международному праву» (т. III, с. 459). Следует особо отметить Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и их уничтожении (т. III, с. 445); запрет медицинских исследований на людях без их согласия, принятие знаменитого «Нюрнбергского кодекса», Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека, Декларации ООН о клонировании человека, ряда аналогичных по содержанию российских и зарубежных законов и т.д. При этом А.Н. Савенков, констатируя недостаточность предпринятых «международных усилий в решении гуманистических проблем», отмечает, что «гуманистические ценности становятся еще более хрупкими и нуждаются в эффективной

и самое главное — своевременной правовой защите» (т. III, с. 450).

Важной чертой исследования является преемственность оценок А.Н. Савенкова с оценками советской юридической и исторической наукой событий конца XIX — начала XX в. Подчеркивается роль Конвенции об определении агрессии, разработанной по инициативе СССР и подписанной в 1933 г. (т. III, с. 177). Отмечается роль ряда советских правоведов (например, А.Н. Трайнина) в выдвижении формулировок, позднее легших в основу решений Международного трибунала: «преступления против мира», «преступления против человечности», «концепция соучастия» и др. (т. III, с. 190, 191). Автор полагает возможным утверждать, что на Лондонской конференции 1945 г., где был учрежден Международный трибунал для суда над нацистскими военными преступниками, «преобладал дух русской школы международного права в сочетании с правовыми установками советских правоведов в области теории государства и права в открытом судебном изобличении и уничтожении фашизма не только как идеологии, но и как явления» (т. III, с. 308, 309), не отрицая при этом огромной роли союзников. В то же время наблюдается и размежевание с советской традицией; например, высокая оценка значения пакта Бриана-Келлога, который недооценивался советской юридической наукой. Автор считает, что важнейшее значение этого пакта заключалось в том, что он «в принципе объявил войну вне закона, сделал состояние войны целью универсальных преступлений» (т. III, с. 77). Как полагает А.Н. Савенков, одним из результатов Нюрнбергского трибунала стало решительное осуждение попытки реализации нацистской «утопии» за счет пренебрежения ценностью человеческой жизни как таковой. И этот подход начинают признавать в том числе и советские коммунисты (т. III, с. 188). Следует также отметить высокую оценку автором роли ряда зарубежных правоведов (например, румынского юриста В.В. Пеллы), который сделал многое для выработки перечня международных преступлений, сформулировал идеал международного права, основанного на идее мира, принцип наказания за такие преступления не только государства, но и «всех физических лиц, которые участвовали в подготовке преступных деяний и имели инициативу по их совершению» (т. III, с. 198). В целом изрядная часть т. III монографии являет собой захватывающее повествование о столкновении различных точек зрения, формулировок, подходов к проблематике определения содержания военных преступлений, субъектов, ответственных за них, правомерности ретроспективного применения законов, допустимости или недопустимости приоритета в некоторых случаях

моральных принципов (таких как справедливость или равенство) над законами.

Неоднократно отмечаются двойные стандарты Запада в отношении российского и собственного правоприменения; например, по поводу интернирования японцев в США во время Второй мировой войны (т. III, с. 160). Указывается на двойные стандарты США по отношению к японским военным преступникам, занимавшимся разработкой бактериологического и иного оружия массового поражения, экспериментами над военнопленными, обычно заканчивавшимися их смертью. Многие из этих преступников были скрыты американцами от правосудия в обмен на имеющие научную ценность результаты экспериментов. СССР же описывается как надежный и ответственный партнер в международных делах, благодаря чему другие великие державы, даже недружественные, как США, Франция, Великобритания, искали его помощи в борьбе с гитлеровской Германией (т. III, с. 164).

Какое место занимают принципы Нюрнберга в современном мире?

Современность описывается автором как время турбулентности, сочетания тенденций прогресса и совершенствования всего и вся и в то же время как подступающего хаоса нерешенных и не решаемых глобальных проблем (т. I, с. 67, 68). Она характеризуется утратой стратегической стабильности, кризисом либерального экспансионизма США, которые шатаются от него к меркантилистскому национализму в духе Трампа. Либеральному экспансионизму противостоит консервативный (суверенный) интернационализм стран БРИКС и ШОС (т. III, с. 539–549). Перечисляются вооруженные конфликты начала текущего века и указывается на роль Вашингтона в их развязывании, неоднократно отмечается проведение им политики двойных стандартов. Излагается позиция России и Китая относительно мер, необходимых для поддержания стратегической стабильности. В целом, однако, делается вывод, что фактически происходит возврат к глобальному порядку, характеризующемуся конкуренцией великих держав, когда все преследуют свои интересы и ищут союзников.

В таком мире принципы Нюрнберга недостаточно воплощены и не пользуются должным уважением. «Международные правовые акты наднациональных органов не имеют не только высшей юридической силы, но и вовсе не связаны с какой-либо юридической ответственностью» (т. I, с. 61). «До сих пор Нюрнбергские принципы не нашли полного воплощения в теории и практике международного уголовного права» (т. III, с. 465). Эти и подобные им заявления неоднократно встречаются в монографии. Постоянно указывается, что до сих пор нет обязательных для исполнения правовых норм,

относящихся к вопросам агрессии и геноцида. Результаты, достигнутые по итогам Второй мировой войны (например, в области соглашений по биологическим и прочим исследованиям), остаются хрупкими. Принцип верховенства права присутствует во многих международных правовых актах, декларациях, в Совете Безопасности ООН, но чаще всего это касается внутрисударственного права. На международном же уровне данный принцип – концепция, трудно осуществимая на практике. «Соблюдение международного права как такового не является целью Организации Объединенных Наций по смыслу ст. 1 Устава» (т. III, с. 487) и т.д. Политические элиты национальных государств манипулируют принципами Нюрнберга, как им представляется выгодным. «В Нюрнберге, – пишет автор, – был вынесен Приговор во имя Мира. <...> Приговор подтвердил, что в дальнейшем никто не может отрицать или не знать, что принципы, по которым национальные лидеры были приговорены к лишению жизни, представляют собой не просто закон, а закон, влекущий неотвратимость наказания. Поэтому, не имея возможности действовать вопреки Приговору, недобросовестные и злонамеренные политические элиты в разных странах нередко нацеливаются на искажение исторических событий с тем, чтобы по-новому интерпретировать роль и значение Нюрнбергского приговора» (т. III, с. 459).

Завершая изложение основных положений фундаментального труда А.Н. Савенкова, необходимо указать на ряд моментов различной степени важности, которые представляются спорными, сомнительными или просто недоговоренными. Так, например, он указывает на то, что авторы Версальского договора «не смогли преодолеть догму справедливой войны. <...> Предложенная ими идея волюнтаристского изменения политического ландшафта Европы и колоний заложила фундамент будущих межгосударственных конфликтов» (т. III, с. 467). Но разве после Второй мировой войны не было волюнтаризма в этой области, особенно касательно раздела Европы на зоны влияния СССР и союзников?

А.Н. Савенков полагает, что «именно из-за обеспечения прав и интересов конкретного человека необходимо покончить с бедствием войны» (т. III, с. 490). Но как быть в ситуации, когда именно права и интересы «конкретного человека» требуют военного вмешательства? И разве не так поступала Россия, например, в 2008 г. в Грузии, в 2015 г. в Сирии, в 2022 г. в Донбассе?

Автор позитивно оценивает то, что союзники договорились не обсуждать вопросы, «не имеющие прямого отношения к делу», т.е. о довоенных соглашениях союзников с гитлеровской Германией (таких как Мюнхенский сговор, пакт Молотова-Риббентропа), о политических режимах Германии,

СССР и его союзников, о военной необходимости ковровых бомбардировок и т.д. (т. III, с. 353). По этому поводу можно заметить, что при рассмотрении степени вины обычного уголовного преступника порой принимается во внимание влияние социального окружения, «среды», общественных отношений. В некоторых случаях оно расценивается как смягчающее обстоятельство. Аналогичным образом дело обстоит и с преступлениями нацистов, но в гораздо более общем плане: не нацисты придумали социальное неравенство, войны, империализм, расизм, капитализм, политику баланса сил и прочие подобные феномены. Но это все – как раз вопросы, «не имеющие прямого отношения к делу». И действительно, было бы неправомерным ожидать от Международного трибунала, чтобы он занимался еще и ими. Однако нельзя отрицать, что эти вопросы всплыли очень быстро – одни сразу после Фултонской речи Черчилля, другие – в наше время. В конечном счете из их неразрешенности и вытекла холодная война и многое другое. Апелляция к ним (равно как и к принципу приоритета морали над правом в отдельных случаях) легла в основу аргументов в пользу ревизии послевоенного мирового порядка, которая теми или иными путями и осуществилась, как только баланс сил был нарушен. Этого не произошло раньше лишь потому, что союзники договорились избегать «не имеющих прямого отношения к делу» вопросов, поскольку признавали друг за другом силу. Сосредоточившись на несомненной вине Германии в многочисленных преступлениях, союзники, как и после Первой мировой войны, снова сделали ее главным виновником трагедии, великодушно простив «не имеющие прямого отношения к делу» грехи друг другу. «Не имеющие прямого отношения к делу» вопросы – это вопросы более фундаментального значения, нежели те, которые рассматривались на Нюрнбергском процессе. Они являются вопросами, если можно так выразиться, о несовершенстве мира. И эти вопросы не решаются путем простого нахождения наиболее виновного здесь и сейчас, даже если объявить приговор нацистам со стороны чуть ли не на следующий день поссорившихся союзников «приговором истории». Если от «политики» и удалось абстрагироваться на короткий промежуток времени, то это было редчайшим исключением, которое так и не стало правилом: «После судебных процессов язык международного права и универсальных прав, получивший распространение в Нюрнберге, стал еще более политизированным и мощным оружием в борьбе между Советским Союзом и Соединенными Штатами» (т. III, с. 370).

Позиция А.Н. Савенкова вытекает из принципиального неприятия попыток воплощения «утопий» в области международных отношений. Он

полагает, что история подтвердила невозможность реализации в международной сфере «утопических идеологий»², которые потерпели крах. В то же время нельзя ни на минуту забывать об опасности войны и делать все возможное для ее предотвращения (т. III, с. 164). Автор, выступая с позиций реализма, солидаризуется в порицании утопизма фашистов, либералов, коммунистов. Но за этим утопизмом стоят по крайней мере реальные политические силы. Поэтому данные утопии и могли быть воплощены в той или иной степени в определенные исторические периоды. Более того, есть основания полагать, что именно «утопия» коммунизма, от имени которой выступала советская сторона на Нюрнбергском процессе, позволила более четко, более последовательно и однозначно сформулировать гуманистические принципы Нюрнберга. Если бы Советского Союза и мирового коммунизма не было, принципы Нюрнберга скорей всего так и остались бы в области благих пожеланий. Разумеется, мировому коммунизму не стоит всецело приписывать заслугу гуманизации международного права войны и мира после Второй мировой войны. На само наличие этой «утопии» сдвинуло равнодействующую имевших место стремлений в ту сторону, которой автор восхищается. Но ведь это же все «политика», в то время как автор провозглашает: «Право, а не политика должно обеспечить человечеству не войну и пандемии, а процветание. Политики давно исчерпали свой лимит ошибок и неудач» (т. III, с. 484). Он считает, что «чрезмерная политизация права говорит о большой проблеме современного сообщества, а именно о проблеме утраты права того значения, которое оно должно иметь, притом по причинам, которые зависят как от самого права, так и внешних веяний» (т. III, с. 640). «Международная политическая риторика и практика должны вернуться в плоскость права» (т. III, с. 642), утверждает А. Н. Савенков. Правда, можно заметить, что идея верховенства права также утопия³, пусть и в возвышенном смысле этого слова. Ведь за нею не стоит ничего, кроме благих пожеланий, которые, как убедительно показал сам автор, способны воплотиться лишь на краткий исторический миг, да и то вследствие достигнутого баланса сил. Автор не прочь указать на слабость философии политики и философии права «в части понимания фундаментальных закономерностей человеческой истории и роли тех факторов, которые на самом деле выступают средством обеспечения

мира и безопасности человечества» (т. I, с. 419). Но философия и мораль, которые **объективно** вытекают из его обширного труда, могут быть без сильных преувеличений сведены к тому, что за всяким благим пожеланием должна стоять сила, которую в разное время олицетворяли Российская Империя и СССР. Добро и моральность в истории возникают вовсе необязательно из других добра и моральности. Нередко они становятся незапланированным результатом как столкновения добра со злом, так и сотрудничества сторон, которых по отдельности трудно считать ангелами во плоти и которые выглядят таковыми лишь относительно к однозначному злу. Чтобы продвинуться дальше к «праву цивилизации», нужно снова стать сильным.

* * *

Завершая, мы должны сказать следующее. Несмотря на все высказанные нами замечания, фундаментальный труд А. Н. Савенкова является весьма значимым вкладом не только в область правоведения, которой он посвящен, но и в российские науки об обществе в целом. Таковым его делают не только разносторонняя эрудиция автора и тщательность проработки заявленной проблематики. Мы переживаем очередную из эпох трансформации мирового порядка, проверяющей на прочность как принципы Нюрнберга, так и саму способность человечества решать накопившиеся противоречия не только «железом и кровью». Этим обусловлена высокая степень актуальности исследования члена-корр. РАН А. Н. Савенкова, которая, как представляется, в обозримом будущем будет только возрастать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Савенков А. Н.* Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: в 3 т. М., 2021. Т. I. С. 21, 32, 61, 67, 68, 72, 76, 79, 101, 419; т. II. С. 8, 357, 358, 466, 499–504; т. III. С. 77, 160, 161, 164, 177, 181–186, 188, 190, 191, 198, 308, 309, 353, 370, 445, 450, 459, 465, 467, 484, 487, 490, 539–549, 640, 642.

REFERENCES

1. *Savenkov A. N.* State and Law: human rights and the world order based on the Rule of Law: in 3 vols. M., 2021. Vol. I. P. 21, 32, 61, 67, 68, 72, 76, 79, 101, 419; vol. II. P. 8, 357, 358, 466, 499–504; vol. III. P. 77, 160, 161, 164, 177, 181–186, 188, 190, 191, 198, 308, 309, 353, 370, 445, 450, 459, 465, 467, 484, 487, 490, 539–549, 640, 642.

² Но сегодня, как становится ясным из содержания книги, «утопическая идеология» — это явно не коммунизм и даже не фашизм, а натолкнувшийся на пределы реализации либерализм.

³ Здесь мы имеем в виду свойственную ряду юристов ценностную установку, исходящую из некоторой переоценки роли правовых установлений в общественно-политической жизни.

Сведения об авторах

РУДЕНКО Виктор Николаевич –

академик РАН, доктор юридических наук, профессор, вице-президент РАН, главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук; 620066 г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16
ORCID: 0000-0003-1802-2198
SPIN-код: 2836-8813

ФИШМАН Леонид Гершевич –

доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук; 620066 г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16
ORCID: 0000-0001-5062-8291

Authors' information

RUDENKO Victor N. –

Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Vice-President of the Russian Academy of Sciences, chief researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 16 Sofia Kovalevskaya str., 620066 Ekaterinburg, Russia

FISHMAN Leonid G. –

Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, chief researcher of the Department of Philosophy of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 16 Sofia Kovalevskaya str., 620066 Ekaterinburg, Russia